

могли употребляться в пределах одного произведения такие, например, дублетные рифмы, как *дщерь—дверь* и *дочь—ночь*, *нощи—рощи* и *ночи—очи*, *десница—багряница* и *рука—река* и т. п. «Вкус» же обязывал поэта, во-первых, следить, чтобы слова разных генетических рядов не контрастировали, оказываясь в близком соседстве; во-вторых, выбирать тот или иной синоним в зависимости от «предмета».

В отличие от высоких и средних жанров в баснях практически невозможно определить стандартный рифменный набор, ибо в основе басенной рифмовки лежат иные принципы, связанные со сказовостью: свободное чередование и неограниченность повторяемости одного созвучия.

Установлению рифменных стандартов весьма способствовала теория «подражания образцам». В силу ее удачная поэтическая находка немедленно и закономерно становилась достоянием жанра. Можно было бы привести множество примеров, но ограничимся двумя. Первый — из истории рифм «философического» типа. Ломоносов в «Вечернем размышлении о божием величестве» создал великолепный образ:

Открылась бездна, звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

И. Владыкин в разные годы и в прямо противоположном смысле применил образную конструкцию вместе с рифмой:

Се бездна вскрылась злых полна!
Там вечно мучатся тираны,
И неисцельны страждут раны!
Конца нет муке, бездне дна!

(1765 г.)

Открылась бездна здесь, безмерных благ полна;
Благам сим нет числа, нет бездне оной дна.

(1776 г.)

Другой любопытный пример относится к первой половине 1780-х годов, когда после державинской «Фелицы» и в связи с ней у разных поэтов повторяется сходная конструкция с новой устойчивой рифмой:

Я ведаю, что дерзки оды,
Которы вышли уж из моды. . .

(Я. Княжин)

Признаться, видно, что из моды
Уж вывелись парящи оды. . .

(Е. Костров)